

День за днем

Верхом на велосипеде с мольбертом в руке

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА



Павел КОНЮХОВ.
48 лет. Живет в порту Восточном, Приморье. Учитель физкультуры, путешественник и живописец. На велосипеде он проехал почти 170 тысяч километров



Текст и фото Андрея КАЛАЧИНСКОГО, Владивосток

люди

Хорошо вырасти в дружной семье. Чудесно, если отчий дом около Мелитополя. Рядом теплое море. Павел родился слепым и прозрел только в четыре года. Бабушка, Ирина Романовна, «отмолила». Дети возятся друг с другом. Вырастают и все равно дружны. Средний сын Конюховых — Федор уехал в Приморье. За ним потянулся младший Павел.

Осели в порту Восточном. Обзавелись своими семьями. Над Федором повеял «ветер странствий», и непреодолимое желание все время быть в пути овладело им. И с тех пор его жизнь стала бродяжьей. Он все обошел, залез на все вершины. Проследовал всеми морями. Сейчас его яхта на ремонте в Лондоне.

Павел заразился этой лихорадкой. Но если ты идешь вслед, у тебя все равно должен быть свой путь. Федор странствует на яхте, Павел — на велосипеде. Уж очень дорого стоит путешествие под парусами. Кто решится доверить свою яхту безумцу? Или построить ее специально для него? Были такие люди в Приморье, клянут они Федора по сей день и себя, что связались с ним. А вот велосипед — машина доступная.

В прошлом году Павел совершил «православный велопробег» из порта Восточного до Санкт-Петербурга, потом сделал круг по Скандинавии и спустился до отчего дома в Приазовье. Он-то хотел закончить путешествие в Италии, в городке, где лежат мощи Николая Угодника, да обострение мировой ситуации ужесточило сердца итальянских пограничников, которые перестали пускать в свою страну одиноких путешественников.

Фотоаппарат не нужен путешественнику, если у него зоркий глаз и пылкое сердце. Фотоаппарат фиксирует то, что было. Это так скучно. И поэтому к каждой фотографии нужен подробный комментарий, который обычно начинается со слов: «Вот здесь, на снимке, не видно, а небо было удивительного оттенка. И облака переливались изумрудами и бирюзой», как павлиний хвост... Или: «Я только достал фотоаппарат, как шаман развернулся и побежал прочь, волоча свой бубен». Беги, шаман, ты убежал от фотоаппарата, но остался в памяти. И ловкой рукой в некий момент ты будешь оттуда извлечен.

Во Владивостоке в Музее имени Арсеньева Павел Конюхов уже второй раз устраивает выставку работ своих

и Федора. Федор — профессиональный график. Павел вообще-то учитель физкультуры. Но стал живописцем. Честно говоря, вначале он стал все-таки фотографом. И даже был принят в Союз фотохудожников за цикл снимков, сделанных в путешествиях. Но как-то остыл к фотографии. Ему захотелось самому создавать красочный мир.

И вот была загрюнтована первая оргалитовая досочка. Хорошо, что жена помогла разобраться в грунтовках, красках, кисточках. Она сама рисует по шелку. Но разве нежные прозрачные краски приличны суровому путешественнику? Тому, кто замерзал в Арктике, изнемогал от жары и жажды в Австралии и кто чуть не умер в прошлом году недалеко от амурского городка Белогорска, поев вареников с капустой? У старушки, должно быть, эти вареники никто долго не покупал, а она их все разогревала, разогревала. А тут, на свою беду, Павел на велосипеде. Через час он уже проскочил городок. А через два ему стало так худо, что он просто свалился на землю и приготовился помирать. Выручил сотовый телефон, подаренный приморским губернатором. «Скорая», правда, приехала только утром и

отвезла страдальца в больницу. А он, метаясь в полубреду, заклинал их не потерять велосипед. Иначе как ему совершить свой велопробег по православным святыням Руси?

Да, Павел отверг модный акрил и выбрал масляные краски. У них есть фактура и блеск. Мазок сам играет на свету.

Его картины вызвали сначала любопытство, а потом и серьезный интерес. Их даже стали покупать. На это Павел серьезно рассчитывает сейчас. Японский консул был одним из первых, кто поддержал путешественника-живописца. И выбрал большую картину, где маки тянулись до самого горизонта, очерченного линией синих гор. Это были не те маки, глядя на которые чувствуешь сладкий запах и головокружение, словно ты зашел в мясную лавку. Не поле боя и не капли крови. И не те маки, что берут человека и уводят его навсегда. Это были цветы из Монголии. И они были всего лишь цветами. По ним хотелось «брести».

Картина была замечена и продана. «Публика любит цветы», — понял Павел и стал рисовать новые маки и поля подсолнухов. Публика так же любит довольных ко-

тов. И Павел подарил публике котов. Конечно, не мог он обойти и пейзажи средне-русской полосы с неизбежными церквями и соборами.

Но пришли к нему серьезные люди. Это были великие приморские старики-художники. Те, что в 60–70-е создали целое направление в рамках соцреализма. Направление вело туда же, куда маршировала вся страна. Но приморские живописцы стали рисовать рыбацек и рыбаков, сейнеры и скалы, море и рыбу так, что хотелось войти в их просоленный мир и остаться в нем, потому что «там» было хорошо. Люди — светлы, герои — великодушны, рыбаки — сексапильны, хотя были закутаны в свои робы, а в руках держали шкерочные ножи. Это был мир хороших книг и добрых людей. Так вот, эти старики, на глазах которых рухнул их мир, сказали Павлу простые вещи: «Не учишь живописи, ибо у тебя уже есть талант. Рисуй то, что в тебе, а не то, что хочет публика».

И Павел стал рисовать из себя. Сначала я пенял ему, что море не наше, лодки не такие, рыба не та. Павел не спорил, он не любит спорить, и вообще нет в нем агрессии, что прет из великих путешественников. Он не конкистадор, он скорее па-

ломник по нашему миру. Тих и застенчив.

И перекатывая букву «р», как морской камушек во рту, он молвил: «Это — не Приморье». Это было не наше море, не наша рыба и не наши лодки. Он рисовал «из головы» и из детства, что прошло на берегу Азовского моря. И тогда я узнал на его картине осетра, окуня, ставриду. Они были нарисованы неправильно, но узнаваемо. Рыбаки курили свои самокрутки и ташили рыбу на спинах. Их жены были в белых платках, как чайки. А белые чайки сидели на столбах, как караулили свою часть добычи... Павел рисовал ночь в южнорусской степи. Фиолетовую и темно-зеленую, как крылья черного амурского махаона. В ночи горело желтым окошко. В этой избушке могло пройти и мое детство.

— А где отчеты о путешествиях? Нарисовал бы себя на велосипеде у Байкальских скал!

— Я это еще не переварил, — тихо сказал Павел. — Мне не путешествия, а жизнь моя снится... Я, наверное, в этом году никуда не поеду. Буду рисовать. Мои выставки в Хабаровск зовут, здесь по городам. Надо работать. Надо кормить семью... А то я катаюсь, а им одиноко без меня...